

Валентин РАСПУТИН: «ВСЕ ОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ»

Распутин живет в Иркутске. Здесь родились его лучшие повести «Последний срок», «Деньги для Марии», «Живи и помни», выдвинутая на соискание Государственной премии РСФСР, «Прощание с Матерой»... Здесь жил Александр Вампилов, его друг, однокашник, коллега...

— Валентин Григорьевич, читателям «Московского комсомольца» было бы интересно услышать ваш рассказ о себе, о том, как вы пришли в литературу.

— О себе я рассказывать не умею и не очень люблю. В общем ничего необычного. Я сибиряк, родился на Ангаре. На третьем курсе Иркутского университета вдруг остался без стипендии и принялся писать для иркутских газет информации о пожарниках и сборе металлолома. А после окончания университета был зачислен в штат иркутской молодежной газеты.

Первый рассказ родился неожиданно: после одной из служебных командировок в леспромхоз писал для газеты очерк «Я забыл спросить у Лешки». Очерк не получился — получился рассказ. О чем? Об искренности человеческих чувств, о красоте души.

Потом долго не писал рассказов — уехал в Красноярск, работал там в молодежной газете. Вдруг узнал: скоро в Чите будет проходить совещание молодых писателей. За годы работы журналистом я видел многое. И тут вдруг сел и сразу написал шутку пять рассказов. С ними поехал в Читу. Рассказы мои понравились, их издали отдельной книжкой, а меня приняли в Союз писателей.

Шел 1965 год...

— Судя по вашим повестям, вас прежде всего волнуют проблемы нравственности, вам близка жизнь деревни. Случайно ли это?

— Безусловно, нет. Я ездил по Сибири, бывал на стройках, видел прекрасных людей, собрал много интересного материала. Чтобы писать о коренном сибирском характере, самому нужно быть сибиряком. Я пишу о деревне, потому что я, в силу причин субъективных, знаю ее гораздо лучше, чем, может быть, мои московские коллеги, я вырос там, она вскормила меня, и рассказывать правду о ней — теперь мой долг.

Меня спрашивают, как рождаются мои сюжеты. Не знаю... Просто приходит необходимость сказать о чем-то... Например, «Матёра». Я жил в тех местах, помню, как рождались новые поселки, люди переселялись в города, менялась наша жизнь...

Или вдруг пришла потребность рассказать о человеческом характере, характере женщины. И родилась повесть «Живи и помни»...

Что же касается проблем нравственности, да, они волнуют меня, ибо само понятие «нравственность» стало теперь модным словечком, и я замечаю, что случается, о нравственности у нас говорят люди безнравственные. Идеал человека — доброта. Плюс — желание помочь другому. Пусть это звучит банально, но если избу вашего друга заносит снегом, а вы не можете ее откопать, мне не о чем с вами разговаривать, вы человек безнравственный прежде всего и элементарно непорочный.

С сожалением приходится заметить, что человеческий характер, увы, перестает быть прочным. Мы как-то легко раздаем обещания и совсем просто их не сдерживаем, легко влюбляемся — легко разводимся, можем бросить детей... Славу богу, это не стало у нас широким явлением, но ведь все это есть. Как же так?

Писатель не имеет права лгать. Если лжет художник, а люди ему верят, это самое страшное, самое обидное. Если писатель честен — это чувствуется сквозь строки.

Только литература и, пожалуй, еще природа может затормозить дикое скоростное сегодняшней жизни, заставить человека остановиться, задуматься. Слышал я, теперь даже книги научились читать ускоренным методом — по диагонали или еще как, не знаю. Зачем?

Не хочется писать плохо... Не хочется! Бывает, просматриваю я сейчас свои ранние работы, за что-то становится просто стыдно. Писатель не может жить для себя. Когда писатель живет для себя, — это прежде всего трагедия самого писателя.

Я пишу трудно. Особенно первые строки. Страница в день — это хорошо. А под конец, как правило, спать не могу, пишу, пишу, пишу... Заставляю себя отдыхать, а отдыхать и хочется, и нель-

зя... Работа для меня — это праздник. Не знаю, сколько смогу сделать. Только знаю — все остается людям.

Писателю регулярно писать, пожалуй, невозможно. Сегодня пишется, завтра нет. Вампилов говорил: «Не пишется, не надо писать». Вот у меня сейчас такой момент. Я начал новую трудную работу, идет она тяжело, с остановками, и кончу ли — не знаю. Так что не спрашивайте о планах, все равно не отведу.

— Литература по академическим требованиям должна образовывать, воспитывать и доставлять удовольствие. Вы разделяете эти требования?

— Я, видите ли, не считаю, что человек, прочитав сто книг, станет во сто раз умнее. Добрее — да, если книги добрые. Но умнее, навряд ли...

Литература образовывает человека, учит его. Юозас Мильтинис считает, что человек ходит в театр учиться жизни. И литература должна его учить жизни. Поймите правильно — не учить жить, это нелепо, а именно учить жизни...

Человек не разгадан. И не может быть разгадан. Нас, писателей, называют исследователями человеческих судеб, личности. Раз так — значит, верят в нашу силу. Так пусть наша сила будет доброй силой...

Говорят о своеобразии сибиряков, о сибирском характере. Да, мы знаем удивительные примеры сибирского гостеприимства, сибирского радушия, внимания. Ну, в самом деле: что заставляло охотников оставлять в зимовьях запасы еды, соли, спичек, пороха для других, незнакомых и неведомых им людей?

Человек не разгадан. Одно ясно — много у нас людей действительно красивых, прекрасных душой. Сколько их в деревнях! Удивительные люди! Но, с другой стороны, сколько же еще хамства, тупости, дурости человеческой, невежества... Может быть, потому я бываю просто счастлив, когда вижу на конференциях — прочитали люди «Прощание с Матерой» и сидят задумчивые, выступают, волнуются. Растопить человеческое сердце не легко. И если это хоть когда-то удается, хочется работать, работать еще и еще...

— Сейчас московские театры готовят к выпуску спектакли по вашим произведениям. Это ваши первые театральные премьеры?

— Да, и я жду их, волнуясь. Хочется, чтобы получилось. Когда я делал инсценировки «Последнего срока» и «Денег для Марии», вдруг понял: повесть — это одно, пьеса — много сложнее. «Последний срок» во МХАТе ставит В. Богомолов, в спектакле заняты актеры, имена которых я хорошо знал еще до знакомства с ними.

Обещает быть интересной и встреча с В. Андреевым, который в Театре им. Ермоловой ставит «Деньги для Марии».

У меня много друзей в Москве, не только писателей, но и самых серьезных критиков — моих читателей. Люблю бывать в Москве, хотя, бывает, и пугаюсь ее шума, суеты...

— Ваши радости, ваши огорчения?

— Прежде всего они связаны с творчеством. Встречаюсь с хорошими людьми — радость, с плохими — и горько, и больно. Непонятно, откуда такие берутся. Всегда мучительно больно терплю редакторскую правку в корректуре. Все жду: предложат когда-нибудь выкинуть из повести половину, закачу бунт и гордо унесу ее обратно домой.

Я человек не эмоциональный, скорее рациональный. Пока мне это помогает, легче воспринимаю критику. У меня много друзей, но одиночество меня никогда не тяготит, потому что со мной всегда работа.

— Чьи книги вы любите перечитывать?

— Всех великих мира сего. Из сегодняшних очень и очень многих: Быкова, Трифонова, Белова, Абрамова... Литературно они близки моему миру, моим идеалам. Со многими я знаком, дружу...

Вампилова люблю. Как много он мог дать миру, сколько мог сделать. Люблю Шукшину, который тоже шел к необычному и остановился на самом интересном месте...

— Валентин Григорьевич, если бы вам пришлось писать очерк о себе, с чего бы вы его начали?

— Не знаю... Не думал как-то. Книга жизни человека начинается со страниц детства. Впрочем, зачем я буду писать о Распутине? Кому это нужно?

Вел беседу
А. КАРАУЛОВ.